

12+

Лил Кундиус

СПУТНИКИ

Лил Кундиус

Спутники

«Издательские решения»

Кундиус Л.

Спутники / Л. Кундиус — «Издательские решения»,

В книге «Спутники» переплетаются четыре истории, герои которых — от инженера-гелиофизика до выжившего в ледяной пустыне — сталкиваются с последствиями солнечной вспышки беспрецедентной силы. Каждый из них по-своему пытается осмыслить новый мир, где цивилизация рухнула, а привычные законы физики и логики дают сбой. Это философская драма о людях, запертых в осколках собственной эпохи, где вместо звёзд — лишь молчание спутников.

© Кундиус Л.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Спутники

Лил Кундиус

Дизайнер обложки Анастасия Исаева

Редактор Павел Кундиус

© Лил Кундиус, 2026

© Анастасия Исаева, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-2092-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Что произойдет, если Солнце однажды напомнит о себе не ласковым теплом, а сокрушительным ударом, к которому мы совершенно не готовы? В обывательском сознании наше дневное светило предстает чем-то безусловно благонадежным и неизменным. Однако это всего лишь раскаленная газовая сфера, живущая по суровым собственным законам. Вспышки на ней происходят постоянно, и большинство из них безвредны для Земли в силу недостаточной мощности. Вопрос лишь в том, какова предельная сила одной из них и куда именно будет направлен корональный выброс.

Хотя наше светило — объект пугающий (пусть и далеко не самый жуткий во Вселенной), описанное в этом произведении — не более чем художественное допущение. Однако вымысел этот родился отнюдь не на пустом месте.

В истории уже случалось нечто подобное. Речь о знаменитом событии Каррингтона — мощнейшей геомагнитной буре 1859 года, которая вывела из строя телеграфные линии. И это в эпоху, когда электричество и техника еще не оказывали столь всеобъемлющего влияния на человечество! Если бы аналогичный катаклизм произошел сегодня, его последствия затронули бы спутники, системы связи, энергосети — словом, всю инфраструктуру, которую мы привыкли считать данностью и без которой существование представить себе уже затруднительно.

Однако важнее взглянуть не на катастрофу саму по себе, а на людей, встретивших ее в разных уголках планеты: на инженера, первым зафиксировавшего аномалию, на военных, оставшихся без связи, на ученых, отчаянно цепляющихся за остатки жизни, и на тех, кто пережил бедствие и доживает свой век в изменившемся мире. В конечном счете, какой бы ни была эта катастрофа, — природной или рукотворной, мгновенной или растянувшейся на десятилетия — человек всё равно остается человеком, по крайней мере, если он не искусственный интеллект.

I

Небо играло перьями облаков, выписывая замысловатые вензеля, пока солнце закатывалось за горизонт. Медовый свет обволакивал штукатурку, стекая по ней горячими пятнами. Сквозь трещинки в асфальте пробивались ростки травы, а на бордюре прогрелся бархатный тёмный мох. Закинув ногу на ногу, на скамейке, шурша листьями газеты, сидел седовласый человек. Жирные заголовки новостей пытались зацепить взгляд: один трамвай сошёл с рельсов — обошлось без жертв, кто-то поспешно продавал квартиру — выгодные условия. На последней странице расположился кроссворд, обещающий подарок за его решение, — новую кофеварку.

Веки становились тяжёлыми. Он прикрыл глаза. Из светлых пятен складывался ровный схематичный образ. Прямолинейное чёрное здание, сжатое, как в тиски, ледяной хваткой зимы. Но вскоре ледяной панцирь треснул, и земля, освободившаяся от снега, растянулась бензиновой лужей, которая с причмокиванием, неравномерно всасывала изрядно покосившееся здание. Антенны на крыше падали на бок; пахнущий мокрой глиной ветер, не жалея, гнул их. Растения-пионеры начали обнимать некогда ровный прямоугольник. Все оттенки зелёного медленно отползали от остатков здания к тёмной трясине. На зелёном холме, который раньше был зданием, упрямо стояла покосившаяся антенна. Постепенно извилистый ус व्यюна всё сильнее впивался в торчащую ввысь металлическую конструкцию. Она обросла шершавой коркой; бурые хлопья лишайника с каждым годом всё больше прятали исходную геометрию. Металл всхлипнул, и антенна рухнула.

Мужчина открыл глаза. Газета выпала из рук и шумела своими страницами на ветру. Свернув газету в рулон, мужчина сунул её во внутренний карман тёмного пальто. На внешнем кармане кипенно-белого халата, лукаво выглядывающего из-под серого драпа, крепился небольшой бейдж. Если вглядываться, то с усилием на нём читалось: «Валезников Станислав Евграфович. Ведущий инженер-исследователь. Отдел №7». Ниже — мелкий логотип, наполовину стёршийся: то ли институтский герб, то ли просто абстрактное нагромождение линий.

Станиславу безмерно нравились такие вечера, когда большая часть института пустела и ему удавалось выйти и посмотреть на закат. Последние лучи согревали лицо, почти не слепя глаза. Зачастую он сам вызывался на ночные дежурства, замечая видимое облегчение на лицах коллег. Взглянув на часы, он удивился, как быстро помутнело стёклышко. Секундная стрелка торопила, но он разрешил себе ещё пару минут посидеть так, пока лучи совсем не исчезнут. Раздался пронзительный звук, источник которого резко запрыгнул на скамейку. Необъятный рыжий кот начал тереться о бок инженера, продолжая пищать. «Прямо как часы с кукушкой, по нему и вправду надо сверять время», — усмехнулся в мыслях мужчина.

— Идём, пошли давай, если хочешь, Амперчик, — Станислав протянул руку, чтобы погладить лохматого гиганта. Пальцы дотронулись до взъерошенной шерсти и моментально почувствовали небольшой разряд тока. Да, имя ему всё же выбрали точнее, чем часы.

Амперчика нашли в подвале одного из цехов ещё котёнком. Сегодня было тяжело представить, что этот исполин когда-то мог уместиться в одной ладони, а весу в нём было немногим больше, чем в творожном сырке. За него развернулась целая борьба. Цеховики требовали оставить его у них — кот как никак мог ловить забредших мышей. Но сам он, как подросток, жить решил у гелиофизиков, и с котом решили не спорить. К тому же он всё равно несколько раз

уже убегал. Станислав нередко думал о том, что гигантский оранжевый сгусток как никто иной подходит по духу для отдела №7, и то, что его сюда притянуло, было вполне закономерно.

Солнце коснулось горизонта и начало таять, как льдинка, исчезая за край земли. Оно оставляло только едва заметный, растёкшийся на небе след. Станислав поднялся и направился к зданию с громадной цифрой 4 на торце. Толкая тяжёлую дверь, на которой было выведено то же число, он бегло подумал: «Ещё бы нам на окнах её нарисовали. Японцы вообще четвёрку считают несчастливой, написали бы „Гелиофизика“, всё равно никто бы и не понял». Одного ли его это мучило, или же новые лаборанты, как и он двадцать лет назад, чувствуют это негодование? Злило уже и то, что за два десятка лет он к этому так и не привык. Лифт ехал до третьего этажа, дальше нужно было подниматься по укромной лестнице в противоположном конце коридора.

Помещение, где проходила большая часть дня отдела №7, было длинным и узким, как пенал. Вдоль стен тянулись столы, которые год назад по эстетическим соображениям перекрасили из зелёных в коричневые. Проводя по ним рукой, Станислав чувствовал неровное наложение слоёв краски. Лучше после ремонта не стало. На столах громоздились пузатые мониторы в пластиковых корпусах цвета слоновой кости, пожелтевшей от времени и табачного дыма; парочка их стояла на стопке бумаг, как на пьедестале.

Станислав редко включал верхний свет — «музыкальный коллектив», как он называл гудящие лампы, действовал на нервы похлеще соседской дрели. Коллегиально решив, что работать под аккомпанемент хора люминесцентных ламп невозможно, он лично проконтролировал, чтобы такелажники выкрутили все лампы, оставив только одну над входом — для порядка. Включив чайник, он направился к окну; навязчивый запах хлора от только что помытых вечерней сменой полов бил в нос.

В углу у окна стоял шкаф с аппаратурой, на который, как только его завезли, поставили с десяток кактусов из отдела бухгалтерии, делившего с ними этаж. Любые попытки переставить их вызывали бурную реакцию главбуха, решившей, что суккуленты спасают от электромагнитного излучения. На днях Зинаида Альфредовна поставила новый образец — алоэ, Станиславу оно нравилось куда больше маленьких колючих шариков.

В этой клумбе мигали жёлтые и зелёные огоньки, и кто-то из молодых сотрудников когда-то наклеил сверху бумажку: «С морзянки не переводить, ругается». Листок уже пожелтел и держался на честном слове, а Станислав не мог смириться с судьбой этой записки: сорвать было уже жалко.

Работники отдела №7 не хватали звёзд с неба, как любили шутить директора Академии. В первую очередь они следили за тремя вещами: рентгеновским излучением, потоком протонов и коронографом. Данные ползли по мониторам зелёными змейками, нередко навевая на нечестных гостей отдела тоску. Станислав же следил за ними, как смотрят на аквариумных рыбок, — сонных и разве что иногда чудаковатых. В начале его карьеры, правда, было одно событие: одна из скромных вспышек, когда Солнце вспоминает, что оно не любящий родитель, а обычный раскалённый шар. Однако всё разрешилось, как и бывает в подобных ситуациях, само собой.

Тот день прошил память яркой крепкой ниткой. Он работал тут не больше месяца, когда, подобно сегодняшнему дню, остался на дежурстве вместе со старшим коллегой. По обычаю, их дежурство началось с перекура, плавно перетекающего в распитие чая и обмен историями.

Ночью кабинет освещался светом техники, как и сейчас, но, думая о прошлом, Станислав рисовал в уме не просто свет, а настоящее северное сияние, плавающее по стенам и озаряющее две фигуры в темноте. Ночь была жаркой, вынуждающей открывать нараспашку окна. Коллега Станислава, Степан, резко подошёл к мониторам, смотря на значения как заворожённый.

— Набери начальству, тут не страшно, но сообщить нужно, — бойко крикнул Степан. — А то нас с тобой без премии оставят. И потом иди посмотри, ну что за красота.

Станислав так и не понял, какую красоту тогда увидел его коллега. И сейчас, не один год спустя, он всё ещё не мог понять, что тогда приковало Степана к приборам.

Из размышлений выдернул протяжный вой: взъерошенный кот, став практически сферическим, забрался на оконную раму и истошно, перебивая свой собственный крик, зашипел. Инженер подскочил к нему, чтобы снять с деревянного парапета, но тот пулей выбежал из кабинета.

Из распахнутой форточки потянуло горьковатой берёзовой пылью. В кабинет влетел тополиный пух; бесшумно паря, он смешивался с поднятой ветром канцелярской пылью и оседал на мониторах, как первый снег.

Вытянув размокший чайный пакетик из кружки, инженер, чуть раскачав, запустил его в мусорное ведро и попал прямо в центр, на ворох бумажек от конфет «Коровка». Попал. Пробежавшись глазами по данным, отображающимся на пузатых мониторах, он хотел уже отвернуться к окну, но что-то его остановило. Он перевёл взгляд обратно.

Во рту стало сухо и стянуто, будто бы он покрылся старым чайным налётом, как иногда случается с плохо вымытой чашкой. В голове слышались пульсирующие удары. Кровь отлила от рук, делая кожу на них сизой.

Первой мыслью оказалось предположение, что прямо сейчас у него на глазах одномоментно умирают спутники. А потом разом весь шум сознания потух. Станислав, стараясь не переломить уже хрустящий в руках карандаш, зашагал, заставляя половицы ритмично поскрипывать. В голове словно ничего не было, все предписания и команды на «подобный случай» растворились в тишине. Он никогда в самом деле не ждал подобного — ни на лекциях в институте, ни младшим научным сотрудником, ни сейчас. Все прочитанные книги казались лишь сухой теорией или очень замудрёной страшилкой.

Ему было сложно понять, страх ли это или лишь ступор. Перед глазами был график рентгеновского излучения, а мозг не хотел понимать, что показывает компьютер. Кривая упиралась в верхний край экрана; он мог поклясться, что на мгновение она покинула рамки монитора. Он надавил на глаза ладонями — замелькали цветные пятна. График всё так же упирался вверх. За свою жизнь он успел привыкнуть к цифрам: спокойным десяткам баллов, расположенным в выделенных для них значениях. Сейчас же он смотрел на толстую линию, медленно ползущую на самом краю, которая следует вровень со значением X20. Перед ним было то, для чего на шкале изначально и не предусмотрели делений. На месте цифрового значения появилось тусклое и лаконичное — ». Калейдоскоп из отдельных клочков мыслей принёс очевидное — сначала проверка.

Спектрограф буйствовал и выводил на рябь дисплея радиоизлучение Солнца на метровых волнах. Его самописец уже не чертил — он лишь оставлял исцарапанную линию в самом верху, словно перо заклинило. «Проверить магнитограф», — вывелось в уме. На нём была норма, но изнутри инженера продолжал гудеть улей; мысли роем зашумели, подбрасывая только новые вопросы: «Если это не сбой, то потоки протонов уже через часы начнут долбить магнитосферу. А плазма? Если выброс был направлен на Землю...» Машинально руки потянулись узнать данные коронографа, но спутник уже молчал, оставалось только гадать по косвенным признакам.

«Надо сверить, а не паниковать», — как мантру, повторял себе Станислав. Если это сбой, то он прослышет параноидальным инженером, и сейчас ему как никогда хотелось бы услышать о себе именно это. Инженер потянулся к селектору внутренней связи, но рука замерла на полпути. «И кому ты собрался звонить? Спросишь у охранника, не заметил ли он чего на солнце?» — доставая пыльную записную книжку, проговорил Станислав. Он взял трубку и набрал прямой номер Иркутска. Там всегда кто-то дежурит. Надежда, что не он один в этот момент с ужасом смотрит на приборы, заставляла голову мыслить яснее.

Гудок. Ещё один. Третий.

Тишина на том конце сменилась короткими гудками — аппарат на той стороне был занят. Станислав сбросил и набрал снова. Молчат. Станислав набрал Пулково. Потом Троицк. Потом начал перебирать все записанные номера радиоастрономических пунктов, которые знал. Линии были заняты. Всего на секунду, но оставшаяся в потолке лампа замерцала ярче и, издав последний яростный вой, выключилась.

Может, больше десяти лет назад ещё прошлый руководитель обязал их хранить в углу громоздкий, окрашенный в тёмно-зелёный цвет короб. Там покоилась армейская КВ-радиостанция. Инженер вскрыл пыльный саркофаг: если гражданка не даёт связаться с коллегами, то значит, надо испытывать все доступные способы. В эфире была тишина, только шум атмосферы.

Станислав вновь поднял трубку телефонного аппарата и начал набирать номер, но на этот раз уже начальника отдела. Гудки шли долго, как будто сквозь вату. Наконец трубку сняли.

— Слушаю, — голос Ивана Петровича был ровным, но в нём угадывалось то особое напряжение, с которым люди отвечают на ночные звонки: уже проснулся, но ещё не решил, злиться или пугаться.

— Иван Петрович, это Валежников. Извините, что беспокою.

Станислав Евграфович, — спокойный голос монотонно отчеканил: — ты знаешь, который час?

— Знаю. Двадцать три двадцать. — Станислав старался не спешить и звучать не сбивчиво, не хватало ещё, чтобы его руководитель счёл его невменяемым. — У нас событие. Я не мог не позвонить.

— Событие. — Начальник проговорил слово тягуче, будто пробовал его на вкус. — Хорошо. Я слушаю... — На другой стороне раздался вдох, словно кто-то пытался вытянуть воздух прямо из трубки в кабинете отдела №7.

— Вспышка на Солнце. По рентгену зашкалило за X20, по потоку протонов я не уверен, спектрограф не меряет, но по косвенным данным я прикинул, что где-то в четыре тысячи раз выше фона. Программа не может присвоить числовое значение, она и не рассчитана. По всем каналам зашкаливает. «Коронас» сначала убрал телеметрию, потом посыпались ошибки, радиоспектрограф завалил шкалу, — инженер говорил вдумчиво и аккуратно, проговаривая каждый факт с нарастающей чёткостью.

Всё это время на той стороне молчали. Станислав слышал тихое размеренное дыхание, скрип кровати — начальник не перебивал, но и не торопился с ответом.

— Данные проверил?

— Три независимых канала. Плюс наземные наблюдения — но там пока только подтверждение косвенных признаков. — Неожиданно Станислав ощутил уверенность в своих словах, будто бы он сообщает нечто совершенно очевидное.

— Кто ещё подтверждает?

— Не могу ни с кем связаться, линии загружены, не берёт ни Иркутск, ни Троицк... — В голове всплывали всё новые города, заставляя задуматься, сколько времени он убил, пока не решился набрать начальнику.

Пронзительный скрип прервал мантру из населённых пунктов, раздался раздражённый кашель, и инженер смолк.

— Станислав Евграфович, ты отдаёшь себе отчёт, что вообще от меня хочешь? Для нас твоё направление далеко не основная деятельность. Ладно бы, если подтвердили кто... Я должен поднять документацию, найти телефоны дежурных по главку, по МЧС, по Академии. Я должен буду объяснить людям, которые спят, что им надо срочно ехать на работу, потому что у нас... что у нас?

— Солнечная вспышка беспрецедентной мощности.

— Беспрецедентной, — повторил начальник. — Это хорошее слово. Оно красивое. Но под него нужно подложить цифры. Где цифры?

— Точных у нас нет. Приборы их не дают... Можно разве что попытаться спрогнозировать примерную мощность, — сдерживаясь от крика, заявил Станислав, но моментально взял себя в руки. — Техника банальным образом не может показать значения выше определённых, вы же...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.